

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383

УДК 811.161.1'27:327.82

Научная статья / Research article

Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата

М.В. Беляков¹, О.И. Максименко²

¹Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России
пр-т Вернадского, 76, Москва, Российская Федерация, 119454

²Московский государственный областной университет
ул. Радио, 10а, Москва, Российская Федерация, 105005

²maxbel7@yandex.ru

Данная статья посвящена изучению коммуникативно обусловленного профессионального идиолекта и эмотивности речи дипломата средствами количественного компьютерного контент-анализа и компьютерного семантического анализа. Определяются характеристики профессионального идиолекта дипломата, изменения в речи, произошедшие с течением времени. Особое внимание уделяется лексическим единицам, смене коннотаций, степени общей эмотивности выступлений, а также клишированности и афористичности. Вводится понятие «имплицитно эмотивное дипломатическое клише», характерное для изучаемого типа дискурса. По результатам исследования делается вывод, что профессиональный идиолект выражается в умелом переключении речевых кодов, отказе от прагматической оценочности, умении эксплицитно выражать оценку при помощи фактов и точного использования смены коннотаций, а также имплицитно эмотивных дипломатических клише, что позволяет через «делегированного субъекта» — дипломата — выражать отношение страны к происходящим событиям, но оставаться в рамках дипломатического речевого протокола. Исследование позволяет приблизиться к более четкому и глубокому пониманию феномена профессионального идиолекта дипломата как сложного комплекса речевых и текстовых практик, цель которых — достичь решения сложных международных проблем мирным способом, т.е. вербально. Материалом исследования послужили выступления С.В. Лаврова в качестве Постоянного представителя в Совете Безопасности ООН на тему «миротворчество», хранящиеся в цифровом архиве Security Council за 1994—2004 гг., а также материал выступления С.В. Лаврова в качестве Министра иностранных дел РФ на пресс-конференции 17.01.2020 г.

Ключевые слова: дипломатический дискурс, идиолект, эмотивность, коннотация, коммуникативная ситуация, Совет Безопасности ООН

История статьи:

Дата поступления: 01.03.2020

Дата приема в печать: 15.03.2020

© Беляков М.В., Максименко О.И., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования:

Беляков М.В., Максименко О.И. Коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 2. С. 368—383. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383

UDK 811.161.1'27:327.82

Communicative and Emotive Characteristics of the Diplomatic Idiolect

Mikhail V. Belyakov¹, Olga I. Maksimenko²

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University)
76, Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russian Federation

² Moscow Region State University (MGOU)
10a, Radio street, Moscow, 105005 Russian Federation
²maxbel7@yandex.ru

This article is devoted to the study of communicatively conditioned professional idiolect and the emotional speech of a diplomat by means of quantitative computer content analysis and semantic analysis. The characteristics of a professional diplomat's idiolect, changes in speech that have occurred over time are determined. Particular attention is paid to lexical units, a change in connotations, the degree of overall emotional performance, as well as clichés and aphorisms. The concept of “implicitly emotive diplomatic clichés” is introduced, which is characteristic of the type of discourse under study. According to the results of the study, it is concluded that a professional idiolect is expressed in the skillful switching of speech codes, the rejection of pragmatic appraisal, the ability to explicitly express an appraisal using facts and the exact use of changing connotations, as well as implicitly emotive diplomatic clichés, which allows a diplomat through a “delegated subject” express the country's attitude to current events, but remain within the framework of the diplomatic speech protocol. The study allows us to come closer to a clearer and deeper understanding of the phenomenon of a professional diplomat's idiolect as a complex set of speech and textual practices aimed at solving complex international problems in a peaceful way, i.e. verbally. The research material was S.V. Lavrov as the Permanent Representative to the UN Security Council speeches on the theme of ‘peacekeeping’ stored in the Security Council digital archive for 1994—2004, as well as the material of the press conference on 01/17/2020 as the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: diplomatic discourse, idiolect, emotivity, connotation, communicative situation, UN Security Council

Article history:

Received: 01.03.2020

Accepted: 15.03.2020

For citation:

Belyakov, M.V. & Maksimenko, O.I. (2020). Communicative and Emotive Characteristics of the Diplomatic Idiolect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 368—383. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-368-383

*Все люди говорят как бы одним языком,
и в то же время у каждого человека есть свой отдельный язык.
Необходимо изучать живую разговорную речь
и речь отдельного индивидуума.
В. фон Гумбольдт*

Введение

Исторически успешный результат дипломатической деятельности во многом зависел от дипломата как личности, обладающей необходимыми качествами, умениями и опытом для выполнения возлагаемой на него миссии. Одним из важнейших факторов в дипломатии является коммуникация дипломатов-профессионалов, строящаяся на использовании искусства риторики, теории аргументации, коммуникативных стратегий и тактик — всего того, что называют чувством языка и владением языком и что характеризует языковую личность, реализующуюся в профессиональном дискурсе.

Дипломатический дискурс — особый тип дискурса, хотя его относят к известному типу институционального дискурса [1], отличается и от близкого ему политического (внешнеполитического) дискурса, и от других типов институциональных дискурсов. Он, безусловно, имеет и области пересечения с ними, но и ряд только ему присущих черт, которые определяются характерными данному типу дискурса коммуникативными ситуациями и правилами реализации в них речевых практик. По мнению Е.А. Красиной, «во взаимодействии дискурса, речевого акта и высказывания обнаруживается определенная иерархия: дискурс — это поле, в котором наряду с другими объектами существуют речевые акты и высказывания, и одновременно дискурс конструируется как сложная система знаний, которые могут быть представлены посредством высказываний и речевых актов» [2. С. 99]. В нашем случае полем служит дипломатический дискурс, а речевыми актами — оцифрованные речи Постоянных представителей РФ в ООН.

До определенного момента дипломатия рассматривалась как закрытая для глаз непосвященных (и широких исследований) сфера, отчасти поэтому дипломатический дискурс стали изучать относительно недавно. За последнее время в российской лингвистике появился ряд немногочисленных диссертационных исследований, посвященных разным аспектам дипломатического дискурса, например, когнитивному диссонансу в английском дипломатическом дискурсе (Вебер, 2004) [3], дискурсу дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации (Метелица, 2003) [4], стратегиям перевода в дипломатическом дискурсе (Волкова, 2007) [5], исследованию вербальных нот (Кожетева, 2012) [6], интенциональной структуре дипломатического дискурса (Терентий, 2016) [7], коммуникативным стратегиям цифровой дипломатии (Новиков, 2017) [8; 9]. По большей части в этих работах, за исключением двух последних, изучались письменные вербальные тексты — ноты, стенограммы переговоров, структура разного рода дипломатической документации, причем, по большей части, на материале английского языка. Однако в дипломатической коммуника-

ции выделяется и стоит особняком такой тип текстов, как речи Постоянных представителей в Совете Безопасности ООН (СБ ООН), поскольку они, в отличие от переговоров, реализуются в иной коммуникативной ситуации и произносятся на достаточно широкую аудиторию, и адресант в течение некоторого периода времени, как правило, один и тот же — Постоянный представитель той или иной страны. Кроме того, отчеты заседаний Совета Безопасности ООН находятся в открытом доступе и хранятся в качестве оцифрованных отчетов в архиве СБ ООН. Тексты речей Постоянных представителей СССР и России в СБ ООН в рамках русского дипломатического дискурса ранее анализу не подвергались. Анализ текстов резолюций Генеральной Ассамблеи (40 текстов) и СБ ООН (66 текстов) по вопросам Палестинского конфликта за период 1948—2006 гг. представлены в работе Germana D'Acquisto (2017) [10].

Совет Безопасности ООН — постоянно действующий орган Организации Объединенных Наций, созданный в 1946 г. с целью поддержания международного мира и безопасности дипломатическим путем [11] и разрешения наиболее болезненных и угрожающих миру проблем. В СБ входят 15 стран-членов, из них 5 — постоянных, в том числе и Российская Федерация. С момента создания до настоящего времени прошло порядка 9 тысяч заседаний СБ, за это время было обсуждено около 500 различных тем, самые часто обсуждаемые из которых (на момент написания статьи) — «Положение на Ближнем Востоке» (401 раз), «Ситуация в бывшей Югославии» (185), «Палестинский вопрос» (182), «Территории, оккупированные Израилем» (168), «Терроризм» (166), «Международная безопасность» (168).

В СБ ООН за годы его существования сменилось 14 Постоянных представителей сначала СССР, а затем России. Десять лет (с 1994 по 2004 г.) в этой должности работал нынешний Министр иностранных дел РФ Сергей Викторович Лавров. В должности Министра С.В. Лавров работает с 2004 г. — уже 16 лет. Учитывая столь длительное пребывание в профессии, множество и разнообразность коммуникативных ситуаций, в которых он участвовал, на примере его выступлений в разных ипостасях можно проследить формирование и функционирование идиолекта дипломата.

Понятие идиолекта в дипломатическом дискурсе

В.А. Виноградов в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» 2012 г. определяет *идиолект* как «совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя данного языка. <...> В широком смысле *идиолект* — реализация данного языка в устах индивида, т.е. совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка; идиолект всегда есть «точечный» представитель определенного идиома, соединяющий в себе общие и специфические черты его структуры, нормы и узуса. Идиолект — единственная языковая реальность, доступная прямому наблюдению <...>» [12. С. 171]. Идиолект напрямую соотносится с понятием языковой личности и входит в это понятие как его составляющая.

Изучение языковой личности последние десятилетия остается в центре внимания не только лингвистики, но и гуманитарного знания в целом, и чаще всего в рамках дискурсивного анализа с учетом семиотической модели коммуникации [13]. По мнению Ю.Н. Караулова, который ввел в широкий научный обиход понятие языковой личности, языковая личность создает и воспринимает речевые произведения (тексты), различающиеся по ряду параметров — структурно-языковой сложности, глубине и точности отражения действительности, целевой направленности. Ю.Н. Карауловым были определены три уровня представления языковой личности: вербально-семантический (структурно-системный), когнитивный (тезаурусный) и прагматический (мотивационный) [14]. Но, по нашему мнению, в дипломатическом дискурсе реализация языковой личности осложняется тем, что прагматический (мотивационный) уровень в ситуации дипломатической коммуникации определяется не субъективным выбором самой языковой личности, а прагматикой более высокого уровня — задачами, поставленными перед дипломатом государством, которое он представляет. Субъективная прагматика дипломата состоит в выборе речевого поведения, что, собственно, и определяет идиолект. Таким образом, идиолект дипломата заключается в умении быстро переключения кодов внутри жестко регламентированного вербального дипломатического этикета и протокола, составляющих существенную часть дипломатического дискурса. Несмотря на то, что благодаря перемещению части дипломатической коммуникации в медиaprостранство и появлению так называемой «цифровой дипломатии» ряд выступлений крупных дипломатов стал информационно доступен, переговорный процесс остается по-прежнему закрытым, и проведение лингвистического анализа стенограмм переговоров становится возможным лишь по прошествии значительного времени, а время, как известно, накладывает определенные изменения не только собственно на личность, но также и на языковую личность, и на идиолект. По этой причине, на наш взгляд, объективно оправданным выбором для анализа идиолекта дипломата является особый языковой материал, в котором сочетаются все три уровня представления языковой личности по Ю.Н. Караулову: вербально-семантический, тезаурусный и прагматический — архивные записи выступлений Постоянных представителей в Совете безопасности ООН.

Материал исследования

Как упоминалось выше, дипломатия исторически институализировалась как коммуникация на личностном уровне, и ее особенностью можно считать то обстоятельство, что в дипломатии первична именно речевая коммуникация, переговоры, устные выступления и пр., которые впоследствии обретают письменную форму нот, коммюнике, сообщений для СМИ, стенограмм выступлений и пр. Как правило, обработанная и представленная в письменном виде речь заметно расширяет круг реципиентов, что далеко не всегда является прагматической целью дипломатического дискурса. Однако в современном мире благодаря электронным средствам информации и коммуникации есть доступ к видеоматериалам, размещенным, например, в Youtube, архивным текстовым материалам,

архивной кинохронике и пр., что дает возможность изучения как личностно-обусловленного, так и статусно-обусловленного общения [1. С. 58].

Материалом для анализа послужили хранящиеся в электронном архиве Совета Безопасности ООН тексты всех открытых заседаний СБ с участием С.В. Лаврова по общей теме «миротворческие операции» за период его работы Постоянным представителем в СБ ООН (1944—2004).

Тема «миротворческие операции» была выбрана по ряду причин: во-первых, тема ‘*peacekeeping operations*’ к моменту написания статьи обсуждалась в СБ часто (92 раза) и находится на 13 месте по частоте всех поднимавшихся в СБ тем; во-вторых, *peacekeeping* — поддержание мира вербальными средствами — основная функция дипломатии. Однако за последнее время, когда адъектив от «миротворец» стал входить в устойчивые клише — *миротворческие силы*, *миротворческие операции*, *миротворческий контингент*, *миротворческая миссия* — семантика существительных «силы», «операции» и «контингент», ассоциирующаяся с негативной семантикой слова «война», повлияла на коннотацию данных словосочетаний. Теперь они используются в отношении вооруженных сил, хоть и называемых «миротворческими». Верхом искажения понятий «мир» и «миротворец» стало устойчивое словосочетание «принуждение к миру» (*peace enforcement operations*). Принуждение к миру может осуществляться как без применения вооруженных сил средствами экономических и правовых санкций, т.е. мерами давления, так и с использованием вооруженных сил. Данный термин (миротворец) и словосочетания с его производными могут служить как экстралингвистическими, так и лингвистическими маркерами выступлений в СБ ООН.

В электронной библиотеке СБ (Security Council) документы, датируемые периодом 1946—1963 гг., хранятся в виде файлов сканированных машинописных страниц, что осложняет их обработку компьютерными средствами, т.к. требуется предварительное распознавание образов, а с 1963 г. все документы оцифрованы и хранятся в формате .pdf и доступны для обработки компьютерными программами. Таким образом, в наши дни есть возможность изучать и произнесенную в СБ в разные периоды времени речь, и идиолект отдельного человека, в нашем случае дипломата самого высокого ранга.

Для сравнения реализации идиолекта в двух статусных ролях и коммуникативных ситуациях анализу подверглись выступления С.В. Лаврова в качестве постпреда в начале его деятельности на этом посту (1994 и 1997 гг.) и в качестве главы МИД России на пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году (Москва, 17 января 2020 г.).

Как правило, исследование идиолекта ведется сугубо лингвистическими средствами — фонетики, синтаксиса, семантики, стилистики. Кроме того, в российской лингвистической традиции разделяют понятия «идиолекта» и «идиостиля». Однако чтобы избежать присущей строго лингвистическим исследованиям субъективности, предлагается исследовать идиолект дипломата с использованием автоматизированных средств обработки текстовых массивов, в частности, компьютерных программ автоматизированного контент-анализа (Yoshicoder 0.6.5.0) и онлайн SEO-анализа текстов (advego).

Результаты

По нашему мнению, одной из наиболее ярких доминант идиолекта, особенно реализующегося в ситуации дипломатической коммуникации, является эмотивная оценочная лексика и эмотивные конструкции, которые согласно дипломатическому протоколу в дипломатической речи нежелательны или крайне редки. Поэтому для выявления этой особенности идиолекта нами был проведен эксперимент по следующему алгоритму: получение конкорданса выступлений С.В. Лаврова в качестве постпреда РФ в ООН средствами указанного выше компьютерного анализатора для анализа дистрибуций словоупотреблений в тексте выступления, проведение процедуры лемматизации для получения полного частотного списка использованных слов, выделение на основе конкорданса эмотивной лексики, эмотивных конструкций и дипломатических клише и соотнесение их с конкретной экстралингвистической ситуацией произнесения речи. Частота и вариативность употребления клише в разных коммуникативных ситуациях, наряду с частотой и вариативностью эмотивных конструкций, на наш взгляд, показательно характеризуют идиолект дипломата. Компьютерный SEO-анализ текста средствами прикладного пакета семантического онлайн анализа текста (advego.ru) также позволяет получить полную показательную статистику текста, включающую такие важные показатели, как количество слов, количество уникальных и значимых слов, водность текста, классическая и академическая тошнота текста.

Рассмотрим одно из ранних выступлений в качестве Постоянного представителя России С.В Лаврова на 3449 заседании¹ СБ ООН 11.04.1994 г.

Г-н Лавров (Российская Федерация):

Несколько тысяч российских граждан участвуют в операциях по поддержанию мира в различных регионах мира. С учетом этого Российская Федерация придает важное значение проблеме укрепления механизма консультаций и обмена информацией между членами Совета Безопасности, странами, предоставляющими воинские контингенты для операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, и Секретариатом. Государства-поставщики вносят полезный вклад в проведение операций Организации Объединенных Наций по поддержанию мира, и их активное участие в таком обмене мнениями призвано способствовать повышению эффективности миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций.

Российская делегация с удовлетворением отмечает установившуюся практику проведения Секретариатом встреч со странами-поставщиками при участии членов Совета Безопасности. Мы готовы развивать эту практику и считаем, что обмен мнениями с государствами-поставщиками должен концентрироваться на вопросах, требующих особого внимания, прежде всего при продлении или изменении существующих мандатов, при развертывании но-

¹ Портал United Nations Digital Library [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/164268?ln=en> (дата обращения: 15.01.2020).

вых операций, для **обсуждения оперативных вопросов** со специальными представителями Генерального секретаря или командующими силами и т.д.

В этой связи мы считаем, что только что принятое по инициативе Аргентины и Новой Зеландии, которую мы приветствуем, заявление Председателя Совета Безопасности содержит полезный набор процедур, развивающих уже имеющуюся практику в этой сфере. Как и предусматривается в этом заявлении, наша делегация готова и далее **гибко и прагматично** развивать это сотрудничество.

Российская делегация исходит из того, что расширенный диалог по этим вопросам будет **способствовать сохранению широкой политической поддержки** операций Организации Объединенных Наций, а также совершенствованию в дальнейшем механизма консультаций с государствами-поставщиками с учетом накопленного опыта. Разумеется, такой механизм должен применяться **гибко и прагматично** и в полной мере учитывать полномочия Совета Безопасности в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций.

В заключение я хотел бы **выразить удовлетворение** тем, что наше решение начало осуществляться еще до того, как мы его приняли. Как мне сказали сегодня в одном из залов, где проходил брифинг для членов Совета Безопасности и **поставщиков контингентов** в состав Временных сил Организации Объединенных Наций в Ливане (ВСООНЛ), на подиуме уже находилась табличка с надписью — Председатель Совета Безопасности.

Общая статистика текста показывает, что в небольшом выступлении объемом всего 306 слов в тексте 173 уникальных слова, 96 — значимых и 98 — стоп-слов (служебные слова, частицы, дейктические слова, вводные конструкции, частотные, частично десемантизированные глаголы и пр.). Водность текста (соотношение стоп-слов к значимым словам) находится в среднем диапазоне — 68,6%, т.е. текст не перенасыщен «пустыми» словами. Семантическое ядро выступления составляют слова с частотой 6, такие как *безопасность, нация, совет, операция*. Классическая тошнота документа (квадратный корень из самого частого слова) — 2,45 — минимальна, академическая (соотношение часто встречающихся слов к общему количеству) — 9,5%. Эти показатели говорят о том, что текст информативный, но при этом высоко клишированный. Наряду с уже устоявшимися дипломатическими клише, близкими классическим формулировкам официального стиля речи — «нанизанным» субстантивным и адъективно-субстантивным конструкциям, например: **обсуждение оперативных вопросов, сохранение широкой политической поддержки, с учетом накопленного опыта, проблема укрепления механизма консультаций**, выступающий дважды использует собственную адвербиальную конструкцию со стертой оценочной коннотацией — **гибко и прагматично**, что, на наш взгляд, можно рассматривать как одно из первых проявлений идиолекта дипломата. Использование двух сокращенных вариантов от словосочетания *страны-поставщики миротворческого контингента* — *страны-поставщики* и *поставщики контингентов* — указывают на приближение в данной коммуникативной ситуации собственно дипломатической речи к разговорной, где подобные

упрощения, в данном случае дипломатического термина, допускаются. Эмотивные конструкции в этом выступлении практически отсутствуют.

Следующий фрагмент выступления 1997 г. также посвящен теме миротворчества. Конкорданс, полученный по этому выступлению, позволяет определить дистрибуцию выделенной гиперлексемы *миротвор* в разных фрагментах выступления.

A/C.4/52/SR.15 СБ ООН² 11.11.1997

Г-н Лавров (Российская Федерация) (фрагмент):

*Развитие теории и практики международного миротворчества должно проходить через укрепление базовых общепринятых принципов, включая, в частности, обеспечение политического руководства и контроля за операциями со стороны Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, беспристрастность, согласие сторон, четко сформулированные мандаты. **Миротворческие операции** — не самоцель, а важное средство достижения мирного урегулирования конфликтов. Это ключевая задача **миротворческих сил** должна находить четкое отражение в мандатах. Следовательно, мандаты не могут продлеваться до бесконечности и по мере достижения поставленных целей должны приводиться в соответствие с новыми условиями. Необходимо четко различать операции по **поддержанию мира и принудительные военные операции**. Операции принудительного характера, оправданные при определенных обстоятельствах, должны быть ограничены **строгими рамками** и могут осуществляться только по особому решению Совета Безопасности и под его политическим и оперативным контролем. Вызывает озабоченность наметившаяся в последнее время у части международного сообщества тенденция к увлечению принудительными мерами, стремление поактивнее задействовать военно-силовые рычаги, иногда при игнорировании остающихся политико-дипломатических возможностей <...>. Неприемлемы попытки как расширительной трактовки этих мандатов в угоду политической конъюнктуре, так и «ползучая ревизия» решений Совета Безопасности. На передний план все больше выдвигаются **миротворческие силы с «гуманитарным профилем»**. Практика проведения таких операций ставит ряд непростых политико-правовых и оперативных проблем. Возникающий в ряде случаев «интервенционистский рефлекс» может быть преодолен через получение согласия правительства принимающего государства, а в соответствующих случаях — сторон, участвующих в конфликте. <...> Актуализируется задача более углубленной проработки концепции превентивного развертывания континентов по **поддержанию мира**. Прежде чем приступить к превентивной операции, необходимо четко определить критерий о завершении миссии и на какую «стратегию выхода» следует ориентироваться при изменении ситуации и достижении целей, указанных в мандате. <...> Особую актуальность приобрел в последнее время вопрос о «коалиционных операциях». В дискуссиях на эту тему необходимо дать*

² Портал United Nations Digital Library [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://digitallibrary.un.org/record/253809?ln=en> (дата обращения: 15.01.2020).

точное определение специфическим обстоятельствам, сопутствующим каждой конкретной ситуации. Во многих случаях операции Организации Объединенных Наций по поддержанию мира имеют неоспоримые преимущества перед коалиционными действиями или действиями многонациональных сил. Однако на фоне объективно ограниченных финансовых ресурсов Организации Объединенных Наций проведение миротворческих операций заинтересованными государствами в рамках «разовых коалиций» или многонациональных сил при определенных обстоятельствах оправданно. Тем не менее подобные нововведения в практике проведения операций по поддержанию мира должны быть полностью адаптированы к целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций. Проведение «третьей стороной» или многонациональной «коалицией» операций, тем более принудительных, может осуществляться только с одобрения Совета Безопасности. Необходимы также транспарентность и подотчетность коалиционных действий перед Советом. <...>

Полученная статистика более объемного текста (7 тыс. символов) показывает, что это выступление еще более информативное, водность составляет всего 62,3%, классическая тошнота 4,58, академическая — 8,2. В семантическое ядро ожидаемо попали такие слова, как *организация* (21), *объединить* (19), *операция* (16), *безопасность* (10), *сила* (9), *миротворческий* (7). Выступление клишированное и насыщено устойчивыми выражениями, которые можно отнести к категории «имплицитно эмотивных дипломатических клише» — *строгие рамки, вызывать озабоченность, исключительные случаи, политическая конъюнктура* и др. По сути, едва ли не единственными средствами внесения эмотивности в текст становятся адвербиальные компаративы — *поактивнее*, оценочные наречия *крайне, неприемлемо, оправданно* и близкие к ним *четко, точно, особо*, а также адъективные конструкции с разговорной лексикой *ползучая ревизия* или с намеренно официальной лексикой, применение которой также привносит иронично-оценочную коннотацию — *интервенционистский рефлекс*. В этом выступлении появляется слово *транспарентность*, которое впоследствии устойчиво вошло в лексикон С.В. Лаврова, характеризуя его профессиональный идиолект.

Как упоминалось выше, именно эмотивность речи (текста), ее степень и способы реализации во многом характеризуют идиолект языковой личности. По мнению В.И. Шаховского, под эмотивностью понимается «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [15. С. 24]. Эмотивность текста и эмотивный текст тождественными понятиями не являются. Эмотивность текста отражает не только общее эмотивное содержание и форму, но и эмоциональную информацию любого статуса, проявляющуюся в виде отдельных эмотивных вкраплений на уровне содержания и формы. В речи С.В. Лаврова таких вкраплений достаточно, но, на наш взгляд, они относятся к предлагаемой нами категории «имплицитно эмотивных дипломатических клише». Анализ дистрибуции гиперлексемы *миротвор* и устойчивых словосочетаний, таких как *поддержание мира*, показывает,

что во всех случаях подразумевается отсутствие мира и участие вооруженного контингента для решения потенциально конфликтогенных ситуаций.

Необходимо отметить, что в конце 1990-х гг., с одной стороны, позиция России на мировой арене была существенно ослаблена, и надо было максимально придерживаться дипломатического протокола и стиля речи, а с другой стороны — медиапространства в столь широком понимании, как в наши дни, еще не существовало и, соответственно, доступа общественности к выступлениям постпредов не было. Сейчас, когда дипломатический дискурс вышел в медиапространство и аудитория его реципиентов существенно увеличилась, появилась возможность и потребность завоевывать аудиторию. Одним из способов воздействия на аудиторию, как известно, и является повышение эмоциональности речи. Примером произошедших перемен как в публичном дипломатическом дискурсе, так и в профессиональном идиолекте дипломата в связи с изменением среды передачи выступлений, статуса выступающего и коммуникативной ситуации может послужить пресс-конференция С.В. Лаврова по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 г. (17 января 2020 г.). Анализировалась подготовленная часть выступления, а не спонтанная речь — ответы на вопросы, что представляет собой отдельный тип коммуникативной ситуации, в данном исследовании не рассматриваемый.

Выступление³ и ответы на вопросы СМИ и.о. Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2019 году, Москва, 17 января 2020 г. (фрагмент):

Уважаемые коллеги,

*<...> В своем вступительном слове отмечу, что мир, и мы это видим отчетливо, продолжает **очень сильно лихорадить**. Ключевым **дестабилизирующим фактором** остается **агрессивная линия** ряда государств Запада, прежде всего наших американских коллег, на **разрушение международно-правовой архитектуры безопасности, замену международного права собственным изобретенным «миропорядком, основанным на правилах»**. В этом ряду — **слово Вашингтоном Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), «заматывание» перспектив продления Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-3), искусственное нагнетание напряженности в районе Персидского залива, попытки пересмотреть общепризнанные правовые основы ближневосточного урегулирования, усиление военной активности НАТО вблизи российских границ и линия на приватизацию многосторонних механизмов контроля за распространением оружия массового уничтожения.***

Дефицит доверия** в мировой политике и экономике усугубляется широким использованием таких методов **нечестной конкуренции**, как **односторонние

³ https://www.mid.ru/posledniye_dobavleniye/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/4001740 (дата обращения 18.01.2020)

санкции, протекционизм, торговые войны. В числе последних **вопиющих примеров** приведу попытки США помешать реализации проекта «Северный поток-2» **вопреки мнению** ведущих стран Европейского союза.

В Вашингтоне стали **откровенно злоупотреблять привилегией страны**, где располагается штаб-квартира ООН. По своему усмотрению, **в нарушение международного права**, отказывают представителям «неудобных» государств в возможности участвовать в мероприятиях «на ооновской площадке». Наверное, это и есть те самые **новые правила в очередном обличии**. <...>

Удалось добиться **подвижек** в деле урегулирования внутриукраинского кризиса. После трехлетнего перерыва состоялся саммит в «нормандском формате» после того, как новое руководство в Киеве **все-таки смогло** сделать шаги по выполнению решений двух предыдущих саммитов «четверки». <...> В наступившем году имеем в виду работать над поддержанием глобальной безопасности и стратегической стабильности, включая усилия по предотвращению гонки вооружений в космосе и недопустимости **вепонизации** киберпространства. <...> В заключение, конечно же, подчеркну, что нынешний год является Годом двух крупных юбилеев — 75-летие Победы во Второй мировой войне и в Великой Отечественной войне, а также 75-летие создания Организации Объединенных Наций. Мы продолжим делать все необходимое для противодействия **фальсификации истории**, сохранения доброго имени солдат-победителей, **недопущения ревизии международно признанных итогов разгрома нацизма**. <...>

Спасибо. Готов ответить на ваши вопросы.

Статистика текста: текст по объему сравним с предыдущим фрагментом заседания СБ ООН — 6624 символа. Водность текста еще меньше — 60,6%, классическая тошнота — 2,65, академическая тошнота — 4,5%. Текст оптимален по параметрам для восприятия. Семантическое ядро образуют нейтральные для подобного выступления слова: международный (частота 7), страна (7), государство (6), российский (6). Однако что касается эмотивности текста, то по сравнению с выступлениями в СБ ООН дело обстоит совершенно иначе. В тексте представлена эмотивная оценочная лексика и выражения разных категорий оценочности.

Н.Д. Арутюнова писала: «Оценка относится к числу собственно человеческих категорий. Она задана физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием; она задает его мышление и деятельность, его отношение к другим людям и предметам действительности, его восприятие искусства» [16. С. 5]. Таким образом, оценочность можно считать одной из языковых семантических универсалий. Учитывая, что практически каждое слово языка в зависимости от коммуникативной ситуации может менять коннотацию, приобретая оценочное значение, реализация этой возможности, особенно в выступлении, где подводятся итоги, предполагающие оценку произошедшего за год, ожидаема и оправданна. Слова и конструкции, употребленные С.В. Лавровым в данной речи, обладают повышенной эмотивностью, объясняющейся

прагматическим потенциалом выступления, рассчитанного на восприятие журналистами ведущих мировых СМИ. При этом используемый С.В. Лавровым оценочный инвентарь выходит далеко за рамки формальной аксиологии, поскольку он активно использует лексику, исходно оценочной не являющуюся, но при переключении речевых кодов превращающуюся в таковую. По классификации Ю.Д. Апресяна [17. С. 175], оценочность сочетает в себе три взаимосвязанные репрезентации: функциональную, коннотативную и прагматическую. Все три аспекта присутствуют в речи С.В. Лаврова.

Функциональная оценочность (слово, содержащее оценку в своей семантике): *нагнетание, разрушение, дестабилизация, фальсификация, неуютный, дефицит* и др.;

Коннотативная оценочность (ассоциативная контекстуально зависимая): *ревизия, приватизация, привилегия* и др.;

Прагматическая оценочность (эксплицитное вербальное выражение отношения говорящего): нет, т.к. не допускается дипломатическим дискурсом даже в коммуникативной ситуации пресс-конференций.

По выступлению С.В. Лаврова видно, что для его профессионального идиолекта характерно постоянное переключение вербальных кодов — от приближенного к разговорной речи (*заматывание, очень сильно, имеем в виду работать*) до неологизмов, недавно вошедших в русскую речевую практику — *вепонизация*.

Заключение

Поставив себе задачу исследования — определить коммуникативно-эмотивные характеристики идиолекта дипломата, мы рассмотрели речи многих Постоянных представителей СССР и России СБ в ООН, но, поскольку именно С.В. Лавров в разное время занимал позицию постпреда и продолжает занимать должность министра иностранных дел РФ, его выступления стали наглядным языковым материалом для сравнения и конкретного анализа.

Как показал анализ материала, речи постпредов на заседаниях СБ ООН можно отнести к жанру публичных речей, ориентированных, благодаря современной цифровой медиасреде, не только на присутствующих в зале СБ, но и на тех, кто может увидеть эти выступления в Интернете, прочитать стенограммы или отчеты на сайте Совета Безопасности. Выход открытых заседаний СБ в медиасреду предопределил повышение эмотивности выступлений с расчетом на широкую аудиторию, вниманием которой пренебрегать нельзя. Однако в отличие от выступлений многих других постпредов выступления С.В. Лаврова как постпреда СБ оставались минимально эмотивными, с характерным идиолектом, который предлагается называть профессиональным дипломатическим идиолектом — его выступления характеризуются низкой водностью и эмотивностью, высокой информативностью, средним количеством стоп-слов. В иной коммуникативной ситуации — пресс-конференции — профессиональный идиолект выражается в умелом переключении речевых кодов, отказе от прагматической оценочности, умении эксплицитно выражать оценку при помощи фактов и точного использования смены коннотаций, а также имплицитно эмотивных дипло-

матических клише, что позволяет высказать отношение субъекта дипломатического дискурса — страны — через «делегированного субъекта» — дипломата к происходящим событиям, но в то же время остаться выступающему в рамках дипломатического речевого протокола.

Исследование позволяет приблизиться к более четкому и глубокому пониманию феномена профессионального идиолекта дипломата как сложного комплекса речевых и текстовых практик, цель которых — достичь решения сложных международных проблем мирным способом, т.е. вербально, что, по нашему мнению, отражает истинное значение слова *миротворчество*.

Важное замечание, высказанное еще В. фон Гумбольдтом, что «люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова» [18. С. 165—166], лежит в основе того, что можно поместить в основу изучения любого идиолекта, в том числе и профессионального коммуникативно-ориентированного идиолекта дипломата.

Библиографический список

1. *Карасик В.И.* Дискурсивное проявление личности // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. Т. 20. no 4. С. 56—78.
2. *Красина Е.А.* Дискурс, высказывание и речевой акт // *Russian Journal of Linguistics*. 2016. Т. 20. no 4. С. 91—103.
3. *Вебер Е.А.* Опыт лингвистического исследования когнитивного диссонанса в английском дипломатическом дискурсе. Иркутск: ИГЛУ, 2004.
4. *Метелица Е.В.* Дискурс дипломатического протокола в англоязычной ритуальной коммуникации. Волгоград: ВГУ, 2003.
5. *Волкова Т.А.* Дипломатический дискурс в аспекте стратегичности перевода и коммуникации: на материале английского и русского языков. Тюмень: ТГУ, 2007.
6. *Кожетева А.С.* Лингвопрагматические характеристики дипломатического дискурса на материале вербальных нот. М.: МГПУ, 2012.
7. *Герентий Л.М.* Интенциональная структура дипломатического дискурса. М.: ММА, 2016.
8. *Новиков Н.В.* Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии. М.: МГПУ, 2017.
9. *Digital Diplomacy: theory and practice*. Ed. by C. Bjola and M. Holms. Rutledge new diplomacy studies, 2015.
10. *D'Acquisto G.A.* *Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine*. Cambridge Scholars Publishing, 2017.
11. *Торкунов А.В.* и др. *Дипломатическая служба* / под ред. А.В. Торкунова и др. М.: Аспект-Пресс, 2014.
12. *Виноградов В.А.* Идиолект // *Лингвистический энциклопедический словарь* М.: БЭС. С. 171.
13. *Halliday M.A.K.* *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold. P. 256.

14. Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций. М.: Изд-во РУДН, 2008.
15. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987.
16. Арутюнова Н.Д. (1982) Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1982. С. 5—23
17. Апресян Ю.Д. (1974) Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
18. Гумбольдт В. фон (1985) Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. С. 165—167.

References

1. Karasik, V.I. (2016). Discourse manifestation of personality. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 56—78. (In Russ.).
2. Krasina, E.A. (2016). Discourse, statement and speech act. *Russian Journal of Linguistics*, 20(4), 91—103. (In Russ.).
3. Weber, E.A. (2004). *Experience in linguistic research of cognitive dissonance in English diplomatic discourse*. Irkutsk: IGLU. (In Russ.).
4. Metelitsa, E.V. (2003). *Discourse of diplomatic Protocol in English-language ritual communication*. Volgograd: VSU. (In Russ.).
5. Volkova, T.A. (2007). *Diplomatic discourse in the aspect of strategic translation and communication: on the material of English and Russian languages*. Tyumen: TSU. (In Russ.).
6. Kozheteva, A.S. (2012). *Linguopragmatic characteristics of diplomatic discourse based on the material of verbal notes*. Moscow: MSPU. (In Russ.).
7. Terentii, L.M. (2016). *Intentional structure of diplomatic discourse*. Moscow: MMA. (In Russ.).
8. Novikov, N.V. (2017). *Communication strategies of digital diplomacy*. Moscow: MSPU. (In Russ.).
9. Digital Diplomacy: theory and practice (2015). C. Bjola & M. Holmes (Eds.). Rutledge New Diplomacy Studies.
10. D'Acquisto, G.A (2017). *Linguistic Analysis of Diplomatic Discourse: UN Resolutions on the Question of Palestine*. Cambridge Scholars Publishing,
11. Torkunov, A.V. et al. (2014). *Diplomatic service*, A.V. Torkunov (Ed.). (In Russ.).
12. Vinogradov, V.A. (2012). Idiolect In *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow. P. 171. (In Russ.).
13. Halliday, M.A.K. (1978). *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London: Arnold.
14. Karaulov, Yu.N. & Chulkina, N.L. (2008). *Russian language personality: an integrative aspect in the context of intercultural communications*. Moscow: RUDN. (In Russ.).
15. Shakhovsky, V.I. (1987). *Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language*. Voronezh: VSU. (In Russ.).
16. Arutyunova, N.D. (1982). Axiology in the mechanisms of life and language In *Problems of structural linguistics*. Moscow: Nauka. pp. 5—23 (In Russ.).
17. Апресян, Ю.Д. (1974). *Lexical semantics. Synonymous means of the language*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
18. Humboldt V. von (1985). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. pp. 165—167. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Беляков Михаил Васильевич, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО; сфера научных интересов: лингвoseмиотика, дискурс-анализ, семантические и когнитивные исследования языка; e-mail: belmax007@hotmail.com.

Максименко Ольга Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики лингвистического факультета МГОУ; *научные интересы*: автоматизированный анализ текстовых массивов, лингвосомиотика, лингвистическая семантика, теория интерпретации; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru.

Information about the authors:

Mikhail V. Belyakov, PHD in Philology, Associated Professor, Associated Professor at Russian Department, MGIMO University. The sphere of research includes linguosemiotics, discourse analysis, semantic and cognitive language studies; *e-mail*: belmax007@hotmail.com.

Olga I. Maksimenko, DSc. in Philology, Full Professor, Professor of the Theoretic and Applied Linguistics Department, Linguistic Faculty, MRSU. The sphere of research includes automatic analysis of texts, linguosemiotics, linguistic semantics, interpretation theory; *e-mail*: maxbel7@yandex.ru.